

Валентина Чемберджи

XX век
Лины Прокофьевой

ФТМ

Валентина Чемберджи
XX век Лины Прокофьевой

Чемберджи В. Н.

XX век Лины Прокофьевой / В. Н. Чемберджи — «ФТМ»,

Первая жена великого русского композитора Лина Кодина-Прокофьева прожила длинную, почти в целый век, жизнь. Она вместила двадцать лет жизни с Прокофьевым в Америке, Европе, а потом в Советском Союзе, общение с Рахманиновым, Стравинским, Горовицем и Тосканини, Дягилевым и Бальмонтом, Пикассо и Матиссом, Мейерхольдом и Эйзенштейном... Ей довелось пережить крушение семьи, арест, тюрьму и советские лагеря. Она была выдающейся личностью, достойной своего гениального супруга. Однако до самых последних лет мы ничего не знали о ней: советская цензура вычеркнула Лину и из жизни Прокофьева, и из истории. Книга Валентины Чемберджи, хорошо знавшей всю семью Прокофьевых, по сути – документированная биография Лины Ивановны, основанная на ранее не публиковавшихся архивных материалах.

© Чемберджи В. Н.

© ФТМ

Содержание

От автора	5
Из истории написания	6
Глава первая	10
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валентина Чемберджи

XX век Лины Прокофьевой

От автора

Может быть, более, чем обычно, эта книга обязана своим появлением доброй воле всех тех, кто своим участием дал автору возможность написать её.

Я с глубокой признательностью называю в первую очередь сына Сергея Сергеевича Прокофьева и Лины Ивановны Прокофьевой Святослава Сергеевича Прокофьева, горячо откликнувшегося на инициативу рассказать правду о судьбе матери, и оказавшему мне личную поддержку. Его подробное интервью составляет костяк книги, предоставленные им материалы – уникальны. Вместе с сыном Сергеем Святославовичем, также принимавшим деятельное участие в судьбе книги, он взял на себя труд по прочтению рукописи, послуживший на благо её тексту и выразившийся в бесценных для автора советах и замечаниях. Рукопись получила одобрение и была дополнена и Сергеем Олеговичем Прокофьевым. Читатель оценит его пространственный и глубоко проникающий в сущность натуры Лины Прокофьевой рассказ.

Внуки Лины Ивановны Сергей Святославович и Сергей Олегович поделились фотоматериалами из семейных и личных архивов, – послужившими незаменимыми иллюстрациями к образу героини.

Сердечная благодарность Ноэль Манн, куратору Архива Прокофьева в Лондоне, открывшей путь к некоторым из его материалов.

Господину Андре Шмидту, за его эмоциональный и остроумный рассказ о Лине.

Дмитрию Николаевичу Чуковскому за моральную поддержку и веру в успех.

Софье Прокофьевой за её яркие рассказы о Лине Ивановне и Мире Александровне.

Особая благодарность Наталье Новосильцов, в разговоре с которой впервые вспыхнула идея написать книгу о Лине Прокофьевой. Два с половиной года, ушедшие на её написание, она принимала самое непосредственное участие в работе, вникая во все хитросплетения прошлого и настоящего.

Спасибо моим первым читателям, мужу, дочери и сыну, они всё время были со мной.

Путеводной звездой от начала и до конца служил автору «Дневник» Сергея Сергеевича Прокофьева.

Из истории написания

Почему здесь и сейчас? Где начало истории?

Оно скрывается в далёких временах, – автору надо заглянуть в первую половину прошлого века, точнее в сороковой, последний предвоенный год в Москве, когда впервые перед глазами в ту пору четырёхлетней девочки возникла героиня, как некое сказочно прекрасное существо женского пола, – притом цветное и пёстрое! (на фоне тусклых и унылых привычных одеяний окружающих). Пёстрое и сверкающее. Чем? Глазами? Блестящими чёрными волосами? Драгоценными камнями? Всем!

Такой она увидела тогда Лину Прокофьеву, жену Сергея Прокофьева.

Потом грянула война, эвакуация, и все разъехались кто куда.

В 1942 году, ещё в разгар войны, вернувшись с мамой из эвакуации в Москву, девочка пошла в школу, занималась своими делами, чуть что убегала во двор, где были сосредоточены её интересы, а родители – композиторы – продолжали дружить с Сергеем Прокофьевым, перед которым преклонялись как перед гением, спустившимся на землю из других миров, совершенно особенным человеком, свободным, независимым, одарённым во всём, с чем он соприкасался, великим композитором и пианистом, дирижёром, писателем, шахматистом, бриджистом, путешественником, любимым во всех испостасях. В доме постоянно звучала его музыка, а девочка ходила в Большой Театр на «Золушку» и «Ромео и Джульетту» десятки раз.

Родители встречались семьями, но место пёстрой красавицы рядом с Сергеем Сергеевичем заняла худенькая дама, обыкновенно в чёрном, ломкая тростинка, говорившая в нос, тихо и ласково. Мама называла её Мира. Дружили, общались, вместе веселились, каждая встреча с Прокофьевым была для родителей источником огромной радости, гордости и восхищения.

Невдомёк было девочке, что тоненькая, благожелательная женщина принесла драму в жизнь семьи Прокофьева.

Предвоенное видение куда-то исчезло.

А «Мира» приходила, приносила пирожные и письма от Прокофьева.

Прошло много лет, прежде чем Лина Ивановна Прокофьева снова переступила порог нашего дома. За 20 лет большие несчастья потрясли её семью. Муж оставил её и женился на Мире Мендельсон. Музыка его была осуждена как вражеская и вредная для народа и запрещена к исполнению. Сама Лина в 1948 году была арестована и оказалась сначала в тюрьме, а потом в сталинских лагерях Заполярья. Сыновья остались одни, жили под присмотром друзей. В 1953 году умер Сергей Прокофьев, в один день со Сталиным. Она вышла на свободу в 1956 году. Теперь она не была уже так молода и ослепительна. Но в выражении всё ещё прекрасного лица по-прежнему не было следов обыденщины, в Лине кипела жизнь, она шутила, смеялась, была по-прежнему «пёстрая» в своём безупречном туалете, она приносила в дом праздник.

С начала шестидесятых годов и до самого отъезда Лины Ивановны из СССР в 1974 году нас связывала тесная дружба, и я никогда не переставала восхищаться ею, уже зная в самых общих чертах перипетии её жизни. Однако мне ни разу не пришла в голову мысль, что надо описать эту одновременно прекрасную и трагическую жизнь.

Вмешалась судьба: Лина Ивановна воскресла передо мной на берегу Средиземного моря на четырнадцатом году моей жизни в Каталунии. Море всегда было страстью Лины Прокофьевой, у моря случился и первый разговор о ней с Натальей Новосильцов.

Наталья Новосильцов – профессор барселонского университета, знаток русского искусства начала века и автор книги о нём, представительница русского старинного рода, с давних пор живущая в Испании. По радио «Каталуния Музыка» (к слову, в первые годы моей жизни в Каталунии передачи этой радиостанции вызывали у меня такой восторг, что свой очерк о Каталунии, напечатанный в России, я назвала «Каталуния музыка») она услышала передачу, посвящённую Сергею Прокофьеву, из которой узнала о судьбе его первой жены – испанки, каталонки! Я рассказала Наталье Новосильцов о том, что дружила с Линой и с детства была знакома со всей семьёй композитора. В разговоре с ней вспыхнула мысль, что мне надо непременно написать об этой замечательной женщине, испытавшей на себе величие и бедствия двадцатого века, ровесницей которого была.

Я начала с того, что поехала к Святославу Прокофьеву, старшему сыну композитора, живущему с 1991 года в Париже. Младший сын, Олег Прокофьев, скончался в 1998 году в Англии.

С волнением я переступила порог парижской квартиры Святослава, где в окружении множества дисков, книг, записей, видеоплёнок, картин, альбомов, он как бы продолжал жить со своими родителями, окружённый их портретами кисти Наталии Гончаровой, Остроумовой-Лебедевой, Шухаева. Стены просторной гостиной украшали полотна Петрова-Водкина, Малявина, – я как бы вернулась в прошлое: ожил Сергей Сергеевич, молодой, блистательный, ожило и прекрасное видение детства. С портретов смотрело на меня лицо Лины Прокофьевой, много моложе, чем в сороковом году, когда я увидела её впервые.

Святослав Прокофьев в полной мере выполнил предназначение сына великого композитора: его долгий и кропотливый труд над рукописями отца увенчался появлением двух томов «Дневника» Прокофьева, уникального в литературном, музыкальном и историческом смысле произведения, положившего конец бесчисленным недобросовестным и далёким от истины спекуляциям по поводу жизни и творчества композитора.

Прокофьев был замечательным литератором и сам писал о себе: «Если бы я не был в композитором, я, вероятно, был бы писателем или поэтом».

В «Дневнике» Прокофьев открыто, точно и подробно, с отличным чувством юмора, изо дня в день писал обо всём, что происходило в его жизни, начиная с сентября 1907 года и кончая июнем 1933. Но было бы напрасным делом пытаться описать «Дневник». Он существует.

На страницах «Дневника» в 1919 году появляется и наша героиня, «Линетт», Лина, будущая жена композитора. В своей опере «Любовь к трём апельсинам» Прокофьев заменил имя Виолетты на Линетт, в честь своей будущей жены.

Святослав Прокофьев с большим энтузиазмом отнёсся к намерению написать, наконец, правду о матери, чей образ был искажен в советской печати, что доставляло большие страдания ее сыновьям. Она жила лишь в памяти знавших её людей, – советские современники предпочитали не упоминать о ней. Вторая жена ни слова не говорит даже об её аресте. В России не любят раскаиваться.

Святослав Прокофьев передал мне письма родителей, копии многих документов и дал не только своё благословение, но и многостраничное интервью о жизни матери. В новогоднем поздравлении с 2005 годом он пишет мне: «Вам особое пожелание в успешном создании уникальной книги о моей маме. Да восторжествует справедливость!»

В Париже я встретила с внуком Лины, сыном Святослава, Сергеем, который ярко рассказал о своей бабушке.

Ещё одного внука Сергея Прокофьева – сына Олега Прокофьева – я знаю больше сорока лет. В Москве мы жили в одном доме. Видный антропософ, обосновавшийся теперь в Швейцарии, он был свидетелем жизни Лины Ивановны и в Москве, и на Западе. Его рассказ об «Авии» тоже помещён на этих страницах.

В Лондонском Архиве Прокофьева при фонде, основанном Линой Ивановной, Наталья Новосильцов получила копии её рассказов о годах, проведённых ею в СССР с Сергеем Прокофьевым и сталинских лагерях.

Моя жизнь сложилась так, что я хорошо знала не только Лину Ивановну, но и Миру Александровну. Годы высветили многое в облике и характере этих двух, таких разных женщин, противоположных по всему своему складу. В отличие от Лины Ивановны, талантливой рассказчицы и собеседницы, не любившей писать, Мира Александровна была привержена к описанию событий и своих впечатлений от них, но речь её была бедна. Её дневники теперь также опубликованы. Она стремилась подражать Прокофьеву и тоже тщательно записывала происходящее. Однако в силу недостатка литературного и художественного дарования оставила нам хоть и богатые важными событиями, но в то же время саморазоблачительные документы, с печатью к тому же советского мироощущения. Нельзя, однако, забывать о том, что она, минуя все законы, стала женой Сергея Сергеевича, которую он любил и которая тоже по-своему любила его. Жена Цезаря...

В 1936 году Прокофьев вместе с семьёй вернулся из Парижа на родину, которую покинул в 1918 году. В разгаре сталинского террора он сразу же попал в орбиту внимания НКВД. Удивительно, что ещё в 1925 году, когда советскому правительству, казалось бы, вовсе не было дела до музыкальных проблем, оно принимает решение: «разрешить С. С. Прокофьеву и И. Ф. Стравинскому приехать в СССР». Престиж!

Власти ставили целью вернуть и сохранить в СССР декоративную фигуру гения, но не его брак с совершенно им не нужной свободомыслящей иностранкой. Политика в отношении Лины не ограничилась только её арестом, – они пошли дальше: умело распуская среди интеллигенции разного рода слухи, полностью исказили её образ. Пока она царила среди друзей, музыкантов, артистов, писателей, она вызывала лишь восхищение. Но вот она арестована! Исчезла на долгие годы. Её нет. И тогда постепенно её образ стал трансформироваться в не слишком отягощённую заботами о детях и муже экстравагантную любительницу рассеянного времяпрепровождения, к тому же ещё и иностранку! Она уже была арестована по обвинению в шпионаже, уже находилась в Лефортовской тюрьме, а кумушки всё судили да рядили о том, как она распорядилась своими драгоценностями. Лишь несколько самых верных друзей знали и помнили правду, но тогда её нельзя было произносить вслух, а потом они умерли.

Фальсифицирован и её собственный рассказ о жизни, оборванный «почему-то» на довоенном периоде, в сборнике воспоминаний о Прокофьеве, выпущенном в начале шестидесятых годов. Скучная гладкопись напоминает только об одном жанре: передовой статье в газете «Правда». Советские штампы, клише в описании самых ярких событий парижского периода жизни так же далеки от реальной Лины, живой, брызжущей энергией, острой на язычок, как обвинение в шпионаже от истины. И бездна патриотизма.

Но что, может быть, особенно хорошо удалось нашей прославленной организации, так это как бы вовсе вычеркнуть из жизни Прокофьева его первую жену. Они прожили вместе двадцать очень счастливых лет, но с появлением Миры Мендльсон её безупречной анкетой, существование Лины начинает замалчиваться, и иностранные исследователи с удивлением замечают, что была у Прокофьева и первая жена, испанского происхождения, и он как будто бы был с ней вполне счастлив. Даже очень счастлив. Впрочем, есть и такие биографии, где нет ни слова о Мире, поскольку брак с ней не был законным.

Трагедия С. С. Прокофьева отчасти коренится в сущности его совершенно необычной личности. Гениальный композитор, умнейший и талантливейший человек, он остался доверчивым, цельным, не тронутым, скажем мягко, «особенностями» общества, в которое попал. Наивно верил в силу искусства, на которое никто не посмеет посягнуть. Он не задумывался о втором, третьем и тридцать третьем плане поведения окружающих. Трагедия Лины была

такого же происхождения: постигнувшая чутьём, но не способная осознать до конца советскую действительность – иностранка! – она стала её жертвой.

Лина Прокофьева сама редко касалась своих личных бед, она не любила рассказывать о лагерях, называя их «Севером», и если мы идём на то, чтобы рассказать о ней, то только с целью восстановить справедливость по отношению к первой жене композитора, пусть даже после ее смерти. Она **была**, она жила, они любили друг друга, у них было двое сыновей. Может быть, Прокофьев не судил бы нас слишком строго.

Горестные события отнюдь не составляют единственную суть жизни Лины Ивановны. Она была любимой и любящей женой, артисткой, певицей, она дружила с великими мира сего, она знала, что такое западная элита, Европа, она узнала и что такое Россия, которую готова была полюбить и принять. Обо всём этом мы и попытаемся рассказать, основываясь на личном знакомстве, семейных архивах, «Дневнике» Прокофьева, записках и письмах самой Лины Ивановны, беседах со Святославом Прокофьевым и двумя внуками Лины Ивановны, её друзьями, на документальных материалах, полученных в Лондонском Архиве при фонде, основанном Линой Прокофьевой, и многом другом.

И начнём с самого начала.

3 февраля 2005

Барселона

Глава первая Принцесса Линетта

Летом я обещал Linette, что принцесса Виолетта, для которой я совершенно случайно придумал имя, будет переименована в принцессу Linette. Сегодня, когда мы дошли до Виолетты, я объявил о переименовке Смоленсу.

Это почему? – спросил он.

Я ответил: – Так у Гоцци.

30 октября 1921 года.

Счастье улыбнулось мне, когда, соединив «Дневник» Сергея Сергеевича Прокофьева и архивные плёнки воспоминаний Лины Кодина, удалось выяснить дату того концерта Сергея Прокофьева в Нью-Йорке, на который впервые пришла слушательницей юная Лина. Ей был двадцать один год, ему – двадцать семь.

10 декабря 1918 года, Нью-Йорк. «Дневник» Прокофьева.

«Сегодня ещё две репетиции и вечером концерт в Карнеги. Зал полон, что необычайно для концертов Альтшулера. Первым номером – Симфония e-moll Рахманинова, которую я прослушал с большим наслаждением. После симфонии автора, хотя он и прятался за спину жены, нашли и сделали ему овацию, заставив его встать и раскланяться.

Затем следовал ряд мелких оркестровых вещей, среди них моё „Скерцо для четырёх фаготов“. Сыграно оно было весьма бойко и так скоро, как я не ожидал.

Альтшулер поставил его в программе впереди фортепианного концерта „для установления хороших отношений между публикой и мной“. Публика действительно осталась довольна и даже требовала повторения.

Концерт прошёл хорошо и я был вызван семь раз. <...>»

«Впервые я увидела Сергея Прокофьева, – рассказывает Лина, – когда он играл свой Первый Концерт для фортепиано с оркестром в Карнеги Холл. Оркестр состоял в основном из русских музыкантов и дирижировал Владимир Альтшулер. Я пошла на этот концерт благодаря маминной подруге – Вере Дончаковой, известному биологу и биохимику, а также большой любительнице музыки. Она работала в крупной американской фармацевтической фирме. Несколько раз летом я провела у них каникулы в „Вудс Хоул“ в Коннектикуте и была под сильным впечатлением боевого порядка поколений, выстроившегося за столом как в добрые старые времена.

Однажды Вера Дончакова позвонила маме и пригласила её на концерт некоего молодого русского композитора и пианиста Прокофьева. Как его тогда только ни называли: большевистским декадентом и ещё Бог знает как! Одни – футуристом, только что прибывшим из загадочной России; другие – интересным музыкантом; третьи – феноменальным виртуозом и так далее. Я выросла в музыкальной семье, училась пению, слушала много музыки, ходила на концерты и не могла пропустить такое событие. Впрочем, тогда это ещё не считалось событием. Я услышала конец разговора, спросила, что происходит, и сказала: „О, я тоже очень хотела бы пойти“.

Это было 10 декабря 1918 года, и я помню только Первый фортепианный концерт и молодого композитора, который играл его. Я была ошеломлена! В жизни не слышала ничего подоб-

ного, ни в смысле ритма, ни в смысле той лёгкости, с которой он справлялся с текстом. Мне было около двадцати лет и под огромным впечатлением я в конце хлопала как сумасшедшая. Две дамы встретили это исполнение вежливыми аплодисментами, а когда увидели мой энтузиазм, засмеялись и заметили: „Посмотрите-ка на неё! Должно быть, она влюбилась“. Само собой понятно, как молодые люди реагируют в подобных случаях. Я страшно возмутилась и сказала: „Вы что, не понимаете? Это потрясающе – какой ритм, какая красивая тема!“. Они в ответ только рассмеялись.

Прокофьев был высоким, очень худым и очень красивым. Он был коротко острижен, по тогдашней моде. И после того, как сыграл, поклонился странным образом – из положения стоя вдруг как будто сложился пополам, как складной ножик.

Когда мы вернулись домой, меня стали поддразнивать, и я ужасно рассердилась.

Несколько дней спустя позвонили наши друзья Стали: Вера Янакопулос и её муж Алексей Фёдорович Сталь, – до революции очень важная персона в России. Теперь они жили в Америке. Он не был красавцем, но отличался огромным обаянием.

Стали пригласили меня на сольный концерт Прокофьева в старом Эолиан-Холл, а не в Таун-Холл, как потом старались убедить меня многие люди.

Я ответила, что с удовольствием пойду, а они рассказали, что уже знают Прокофьева, что он интересный человек, и они хотят познакомить меня с ним. Я сказала, что мне очень нравится и его музыка и как он играет, я с радостью пойду слушать его, но вовсе не собираюсь знакомиться с ним. Почему же нет, – спросили они. И я ответила, что если я с ним познакомлюсь, то мама и все её друзья начнут говорить: „Смотрите-ка! И она ещё спорит, что влюбилась в него самого, а не только в его музыку и игру.“ Молодые люди очень чувствительны к подобным замечаниям старших.

Я всё же пошла на концерт, не сказав об этом маме, насколько я помню. После концерта Стали захотели пойти в артистическую. Я сказала: „Вы идите, а я подожду вас здесь“. Я была совершенно непреклонна. Потом ждала-ждала, они всё не шли, и я решила, что прозевала их и пошла на поиски. В это время дверь в артистическую отворилась, и кто-то вышел оттуда. Я заглянула внутрь. Сергей сделал несколько шагов вперёд, поднял глаза и улыбнулся мне. Я улыбнулась ему в ответ. Он сказал что-то приветливое вроде: „Вот она где“, и нас познакомили. Потом мы все много болтали, я всё-таки не была дикаркой. Тогда мы и заговорили с ним в первый раз. Это событие стало первым из невероятной череды последовавших – случилось! Разве можно было представить себе тогда, чем это кончится в будущем; предстоял длинный-длинный путь; но в случившемся было что-то правильное, может быть, потому что я была брюнеткой, а он – блондином...»

«Когда я пришёл в Эолин-Холл, то зал оказался полным. Это было приятно. Я сейчас же вышел играть, – пишет Прокофьев о концерте в Эолиан-Холле, – и был встречен овацией, но – проклятое тугое фортепиано!»

Справившись с тугим новым «Стейнвеем», Прокофьев, как обычно, подробно рассказывает об исполнении каждого произведения.

«Рахманинова я сыграл просто-напросто очень хорошо, а Скрябина менее честно с точки зрения точности, но очень эффектно 12-й Этюд. <...> Я был вызван десять раз во время перерывов и восемь раз в конце, в том числе три бис'а. Затем меня повели в артистическое фойе при зале, где набилась масса музыкального народа и где меня восторженно поздравляли. Отрывали руку человек пятьдесят. Успех превзошёл ожидания.»

Стали заметили, что знакомство прошло удачно и пригласили молодых людей провести с ними уик-энд в их доме на Стейтен Айленде. Лина не ответила ни да, ни нет. Они уточнили,

что приглашают много гостей. Но даже при этом условии ее мама была недовольна такой идеей. Лина с трудом выпросила разрешение.

Так Сергей Прокофьев и Лина впервые встретились у общих друзей в домашней обстановке.

«Они снимали дом на Стейтен Айленд – рассказывает Лина. – Она была бразильской певицей по фамилии Янакопулос и пользовалась в это время очень большим успехом, а её муж – русским, очень известным в России человеком. Я по сей день отлично помню Сталя, эту лису, с его рыжей бородой и узкими, блестящими, озорными глазами, улыбающегося мне через стол. Подумать только, в России он был членом Думы. В тот раз у них собралось всего несколько человек».

«Вам нравится гулять?» – спросил меня Сергей. – «Конечно, мне нравится гулять», – ответила я. И мы отправились в лес. Мы гуляли очень долго, потерялись и не знали, как найти обратную дорогу. Я очень робела, но он недавно приехал из России, и меня страшно интересовало всё, что он мог рассказать о ней. Хотя мой русский в тот момент не был ещё беглым, но всё же мне удавалось поддерживать разговор.

Я вернулась домой страшно взволнованная после этого уик-энда на Стейтен Айленд, и мама сразу стала подробно меня расспрашивать. Я рассказала ей обо всех наших разговорах, как это было интересно, и она слушала меня с подозрительным видом.

Стали снова пригласили нас, и в этот второй приезд у них было несколько музыкантов.

Помню, что на Стейтен Айленде был то ли речной залив, то ли река. На реке стояли плоскодонки, и мы поехали на них кататься. Прокофьев, который ехал не в моей лодке, делал всё возможное, чтобы как следует врезаться в нашу и перевернуть её. «А вы что, не умеете плавать?» – спрашивал он в ответ на наши жалобы. «Я прекрасно умею плавать», – сказала я. «Что ж, посмотрим», – был ответ. На самом деле он, конечно, не хотел по-настоящему перевернуть нашу лодку. Ему всегда нравилось дразнить молоденьких девушек.

Через многие годы Лина Ивановна скажет: «Это был его обычный способ обращения с женщинами, если он хотел им понравиться. Он не умел обращаться с женщинами. Он никогда не флиртовал, у него не было ни времени, ни желания, он не хотел, чтобы его беспокоили. Очень странно, но это было именно так.»

Прокофьев любил ездить к Сталям, часто бывал у них и писал об этом в «Дневнике»: «После концерта Стали увезли меня на Staten Island, где они живут, где свежий воздух и красочная осень (хотя и не такая яркая, как под Петроградом)».

Лина полюбила Прокофьева сразу, и это было головокружительно сильное чувство, не оставившее её до самой смерти. Прокофьев же пока пожинал плоды своего успеха, окружённый сонмом поклонниц, и среди них – актриса Стелла Адлер. Собственные актёрские устремления (не осуществившиеся в связи с разными обстоятельствами и, может быть, недостаточным дарованием) были для неё важнее привязанности к Прокофьеву. Она была им увлечена, но легко оставляла его на сколь угодно долгое время, если предоставлялась возможность играть в спектакле, поступал ангажемент и т. д. Прокофьев слегка страдал, но не порывал с ней окончательно.

И вот, наконец, на страницах «Дневника» появляется Linette.

18 октября 1919 года.

«Большой компанией ездили к Сталям, где было солнечно и приятно. Я кокетничал с Linette, моей новой поклонницей, впрочем, сдержанной, несмотря на свои двадцать лет. Но Сталь утверждает, что это только снаружи,

а на самом деле она даже петь решилась при всех, лишь бы это сделать под моим аккомпанементом.»

О «первом уроке по пению с Прокофьевым» на даче у друзей Лина вспоминает:

«Во время этого уик-энда кто-то спросил меня, что я проходила по пению на уроках с моей мамой, и я ответила, что мы работаем над романсом „Ночь“ Антона Рубинштейна – весьма драматическим сочинением. Я даже начала произносить текст и мычать себе под нос мелодию, когда Сергей немедленно остановил меня и авторитетно заявил: „Всё неправильно!“ Я стала спорить, что я именно так учила; но он настаивал на том, что я всё перевираю, и стихи, и музыку и стал петь своим „композиторским голосом“. Мы начали пререкаться. Я сказала ему, что не могу даже разобрать ноты, которые он поёт, да и слова неправильные.

В дальнейшем я обнаружила, что это сочинение существует в нескольких редакциях, отличающихся друг от друга. Во времена моей мамы романсы Рубинштейна были в большой моде, а теперь забыты».

С Рубинштейном Прокофьева связывали давние «отношения», начавшиеся в незапамятные времена. Мария Григорьевна – мать Сергея Сергеевича – рассказывала Лине, что ещё в детстве маленький Серёжа остановил её, когда она играла какие-то фортепианные пьесы Рубинштейна. «Играй другое» – сказал он. Мария Григорьевна очень много играла на фортепиано, когда ждала Серёжу и в самые ранние годы его жизни. Она не была виртуозной пианисткой, но, как и полагалось в те времена, играла достаточно хорошо. Серёжа очень любил её игру, не давал ей останавливаться, она даже порой засыпала за роялем. Так что ещё совсем малышом Прокофьев отказался слушать Рубинштейна и предпочёл ему Бетховена.

Линетт упоминается теперь в «Дневнике» всё чаще, так как молодые люди встречаются почти каждый день. В ноябре 1919 года именем Linette пестрят все записи.

Первая запись 2 ноября (у Сталей), а следующие почти каждый день.

«Солнечный и тёплый день. Приехали гости, приехала Linette, косили в саду траву и вообще было очень мило. Вечером я с Linette возвращаюсь домой вдвоём <...>»

«Утром хорошенько поиграл на рояле и затем с необычайным удовольствием поехал к Сталям в деревню. Я думал, что придет Linette, но завтра Стали уезжают днём на концерт и гостей не будет».

«Прелестный осенний день, и я много гулял среди красивых осенних пейзажей. Linette сама догадалась позвонить, и, пока Сталь собирался объяснить ей, что днём они уезжают на концерт, я успел пригласить её к ним. Таким образом, мы провели в отсутствие хозяев несколько очень милых часов. Linette совсем в меня влюблена».

«Учил программу и читал Freud'a. Вечером был с Linette в cinema и отвёз её с поцелуями домой. Но прийти ко мне она почему-то отказалась».

«Утром с большим удовольствием отправился к Сталям на weekend. Право, дни, которые я провожу там – самые приятные. Туда же приехала Linette и другие гости. Miss Janacopulos спела в Кембридже с Бостонским оркестром, имела чрезвычайный успех, поэтому настроение в доме царствовало самое весёлое. Сталь расхваливал моё исполнение „Карнавала“ и особенно – русских вещей».

«Утром с остервенением гребли листья в саду и так проголодались, что еле дождались завтрака. Днём Сталь и Янакопулос уехали в Нью-Йорк на концерт и мы с Linette остались вдвоём. Это время не было потеряно. Затем вернулись хозяева и вечером обсуждали их будущую поездку в Бразилию. Вечером с Linette ходили смотреть на звёзды».

Вероятно, именно этот ноябрьский холодный день запечатлён на известном снимке: замерший сад, опавшие листья, над ними в клубах дыма парит, подняв к небесам вилы, худощавый высоченный юноша Прокофьев, опираясь левой рукой на хорошенькую головку Лины, чьи ноги уже и не видны в тумане или в дыму. Лина тоже описывает этот ноябрьский день, как они жгли листья, смотрели на костёр, валил густой дым, он был как облако, и в этом облаке стоял он, «а я перед ним, и он был как рыцарь в „Валькирии“, который спас меня из погребального костра».

18 ноября.

«...» обедал с Linette и вечером опять был в кинематографе, ибо эта гадкая девчонка ни за что не хочет придти (прийти) ко мне. Сегодня я, впрочем, и не настаивал, так как у неё разболелась голова, и я рано отвёз её домой».

Через день:

«(...) опять звал её ко мне, ибо отправляться каждый раз в кинематограф скучно. Она сначала заколебалась, но потом сказала: „Нет, нет, не сегодня! Посадите меня в subway, и я поеду домой.“ Я рассердился и, посадив её в subway, простился. Через час она мне звонила, назвала букой и мир был заключён».

Поездки в подземке иной раз раздражали Лину. Она рассказывает, что однажды, выйдя из театра или кино, он повёл её в метро. «Куда вы меня ведёте?» – спросила я. – «Вы ведь поедете на метро, разве нет?» Тогда я сказала: «Да знаете ли вы, который час? Если бы моя мама знала, она бы с ума сошла. Кроме всего прочего вы вообще очень плохо воспитаны. Даже представить себе не могу, с какого рода женщинами вы имели дело». «ОК, пойду поищу такси.» Он пошёл за такси. Я уже спускалась вниз по ступенькам подземки, я была в ярости. Он подбежал, схватил меня в охапку, посадил в такси, обнял и сказал: «Да, я просто дурак!»»

21 ноября.

«Пальцу лучше¹, и завтра смогу играть, хотя и хуже процентов на двадцать пять. С Linette говорили по телефону. Когда я спросил, проведёт ли она со мной вечер накануне концерта, она ответила, что сегодня занята. Я сказал: вероятно, есть кто-нибудь, кто больше вас захочет провести со мной этот вечер. Она ответила: „Vous etes mechant“»².

На другой день:

«Linette звонила и спрашивала, с кем я провёл вчерашний вечер. Я не сказал, с кем. Она вызвалась днём навестить меня, но потом позвонила, что идёт на фортепианный концерт Гофмана, а потом звонила опять и просила не сердиться. Я днём скучал и был нервным. Пальцу было лучше, но он всё же

¹ 18 ноября, играя «Карнавал» на тугом рояле, Прокофьев разбил большой палец на левой руке.

² Вы злюка (фр.)

болел и я почти не упражнялся, чтобы его не разбередить. В половину девятого вечера концерт. Зал полон и встреча хорошая. (...)

Затем Сталь позвал меня к себе. (...)

Назавтра:

«Сегодня, как и в другие воскресения, солнце и хорошая погода. Но наехала масса гостей и была толкотня, а на бедную Linette за моей спиной обрушилась целая атака – её почти до слёз дразнили мною досужие языки. (...)

«(...) Вечером Linette таки приехала ко мне. Она, вероятно, первый раз в жизни на холостой квартире, дрожала и волновалась до такой степени, что я должен был её успокаивать (...)

2 декабря.

«Вечером была Linette. Она хотя и в безумном страхе, что кто-нибудь увидит её, идущую ко мне, но теперь охотнее соглашается на посещение меня».

Мама волновалась, что дочь всё время где-то пропадает, боялась злых языков, нравы были строгими. Лина не хотела огорчать Ольгу Владиславовну, но удержаться от встреч не могла, и 9 декабря 1919 года Прокофьев записывает:

«Вечером была Linette. Кажется, давно меня никто так не любил, как эта милая девочка».

Постепенно Linette завоёвывает его сердце, становится близкой, нужной, незаменимой. Их счастливые дни протекают в романтических прогулках за городом, в гостях у друзей. Они встречаются на пристани, отправляются к Сталям, и хоть на дворе стоит декабрь, солнце то и дело проглядывает сквозь тучи, природа благоволит, окружающие преисполнены симпатией. Дни в деревне проходят тихо и мирно. Часто они проводят его вчетвером: Вера Янакопулос, Сталь, Сергей и Лина.

Между тем встреченная вначале с бешеным энтузиазмом опера «Любовь к трём апельсинам», вот-вот уже готовая к постановке, всё же откладывается, Прокофьев расстроен, и в его горестях поддержкой служит Linette, и это уже очень серьёзно. К этому времени относятся и энергичные старания Прокофьева выписать к себе оставшуюся в России мать Марию Григорьевну, он постоянно нервничает по этому поводу, поднимая на ноги всех, кто мог бы оказать ему поддержку. Linette принимает его хлопоты близко к сердцу.

16 декабря.

«Настроение среднее. Я не могу сказать, что я особенно убит отменой „Трёх апельсинов“, а между тем надо сознаться, что весь мой сезон рухнул и полетел к чёрту. Сейчас я как-то без руля и жду дальнейших переговоров с Чикаго (...)

Очень уравнивает моё состояние факт присутствия милой Linette.

Linette – то, что я давно искал и то, что мне не удавалось. И я стараюсь рассуждать так: нет оперы, но есть Linette – радуйся ей. А если будешь печалиться об опере, то опера от этого не приблизится, зато радость иметь Linette затуманится.

Сегодня Linette провела у меня два часа и была нежна».

Время от времени Прокофьев получает сведения о Стелле, они нерегулярны, Стелла живёт своей жизнью и по словам сестры «веселится как бабочка».

«Не лучше ли пристальней взглянуть на нежность Linette? И когда вечером Linette и я на пароходе поехали к Сталям встречать Сочельник и Рождество, моё сердце как-то нежнее лежало к Linette, <...>»

Рождество праздновали у Сталей. Нарядная, в беличьей шубке Лина нравилась Прокофьеву необычайно.

25 декабря.

«Рождество. Но первые новости нехорошие: Деникин продолжает отступать перед большевиками. Доскочат ли деньги до мамы прежде, чем они придут в Россию? И успеет ли мама покинуть Россию? Считал по пальцам, и, по-моему, через две недели от сегодня деньги будут у неё. Тогда успеет, так как если большевики возьмут Ростов, то не раньше февраля. Успокоило несколько прогулок с Linette по острову по яркому солнцу и белому снегу, Стали нас выпроводили рано, так как им надо укладываться – едут в Бразилию. Затем с Linette влезли на Wolworth Building, было адски холодно, но оттуда красивый вид на весь Нью-Йорк, а потом Linette была у меня».

26 декабря.

«Утром собрал мои вещи и расстался с квартирой на 340W 57, держа путь в Чикаго. Завтракал в Pennsylvania Hotel с Linette, которая удрала по этому поводу со своей службы. В своей новой серой шубке она выглядит очень мило и так нежна, как никто. <...>

Настроение ничего, больше всего успокаивает существование Linette, больше всего огорчает – мама».

Наступал 1920 год.

Когда Лина вернулась домой после первого посещения Стейтен Айленда вместе с Прокофьевым, её мама (Мэмэ, как называли её впоследствии внуки и сам Прокофьев) сказала, что хотела бы познакомиться с Сергеем. Его пригласили на обед. У мамы было больше вопросов к Прокофьеву о России, чем у дочери. Лина побывала там с родителями еще крошкой, а Ольга Владиславовна сохранила о России чёткие и живые воспоминания.

Прокофьев очень понравился Ольге Владиславовне, да и он сам получил удовольствие от разговора с обаятельной женщиной с великолепными манерами. Он приходил несколько раз и однажды пригласил Лину на концерт Рахманинова. Рахманинова знали оба, хотя обстоятельства знакомства с ним, конечно, были различными. <...>

Лина с радостью согласилась, но мама нахмурилась. «Подумай-ка, – сказала она, – вы ещё даже не помолвлены, а ты уже хочешь идти с ним на концерт. Все увидят вас вместе, и твоя репутация рухнет».

О Сергее Прокофьеве уже действительно говорили в музыкальных кругах, и люди посматривали на молодую пару с интересом. После концерта они зашли в артистическую к Рахманинову, который встретил их приветливой улыбкой.

Ольга Владиславовна и Лина встречались с Рахманиновым в 1909–1910 году, он сказал тогда о Лине: «какая хорошо воспитанная девочка». Видимо, считал американских детей несколько развязными. По словам Лины первое турне не было слишком удачным, но сейчас, в 1918–1919 году его выступления проходили с триумфальным успехом.

«Ему было уже сорок пять, и он, конечно, обладал куда большей проницательностью, чем я. Потом подошла его младшая дочь, тогда ещё маленькая и спросила его громким шепотом

том, чтобы я услышала: „Они собираются пожениться?“ Я, конечно, не рассказала об этом маме, иначе она бы сказала: „Я же говорила тебе!“».

<...>

18 января 1920 года С. Прокофьев записывал в своём «Дневнике»:

«Обедал у Linette, точнее – у её матери, ибо Linette хочет, чтобы я иногда у неё показывался. После этого увёз Linette в кинематограф – так было сказано матери – а на самом деле к себе. Linette была у меня очень нежна, но всё ещё очень недотрожиста».

Лина признавалась Ольге Владиславовне не во всех своих свиданиях с Сергеем. Рассказывать о каждом походе в кино или театр было невозможно. Мама относилась к увлечению Лины насторожённо, не особенно верила в серьёзность намерений музыкантов, которых, ей казалось, она хорошо знала. Отец, Хуан Кодина, повторял: «Он должен понять, что ты из хорошей семьи».

В другой раз Прокофьев пригласил её на обед, который давали в Богемском клубе, членом которого он состоял. На этот раз джентльменам предписывалось привести с собой даму.

Прокофьев предложил Linette оказать ему эту честь. Ольга Владиславовна пришла в ужас и немедленно придумала отговорку: у дочери не было подходящего платья. Лина, между тем, уже вообразила себя одетой в платье, которое сама сошьёт с помощью подруги. Когда Сергей ушёл, Лина объяснила это маме.

– Ты хочешь сказать, что в самом деле собираешься пойти с ним? – спросила мама.

– О, мама, – сказала ответила я, – во-первых, мне в любом случае нужно вечернее платье, а, кроме того, это ведь не будет встреча *tete-a-tete*, там будет много музыкантов.

– Да, но что скажут люди? Они решат, что ты его дама. И под каким предлогом? Ты ему не невеста, не жена – никто! Все подумают, что ты девушка лёгкого поведения.

Всё же Лине удалось получить согласие на этот выход. Когда Сергей пришёл за ней, мама строго-настрого наказала, чтобы он привёл дочь домой не позже одиннадцати или даже половины одиннадцатого. Он обещал и сдержал своё слово.

Лина слышала, как в тот вечер Артур Рубинштейн шепнул Прокофьеву по-русски: «Где вы нашли такую красотку?»

Она страшно покраснела и чуть не бросилась бежать. Через шестьдесят лет Рубинштейн напомнил ей об этом обеде.

В самом деле, фотографии и портреты, рассказы и воспоминания дают нам представление о необыкновенной привлекательности девушки. Брюнетка с густыми локонами, миниатюрная, стройная, как танагрская статуэтка, с безупречными и тонкими чертами несколько удлинённого лица, в которых играли и переливались испанско-каталонские, французские и польские загадки и мотивы, блестящие глаза, не утратившие этого знаменитого блеска до конца её жизни, и всё это, помноженное на живость и пылкость характера, врождённые манеры. Натура честная, прямая, наивная, послушная и строптивая, одарённая в музыке и языках, остроумная, робкая и искренняя, горячая, верная. Обожала и умела красиво одеваться и кружила всем головы.

«Обед у Bohemians в честь Бауэра в Билтморе очень парадный» – записывает Прокофьев в «Дневнике». – «Я и Linette, которую я пригласил в качестве моей дамы – за почётным столом, чем Linette в начале крайне смущалась...»

Так или иначе, лёд тронулся, и Linette появилась вместе с Прокофьевым в высших кругах общества. В свете она сразу стала пользоваться большим успехом. Прокофьев часто бывал в гостях у подруги дочери Годовского – Либман, где собирались знаменитые музыканты,

играли в бридж. Linette заходила туда с Прокофьевым «и за нею, как он пишет, много ухаживали до Боданского и Гофмана включительно».

<...>

1920 год в жизни Прокофьева чрезвычайно насыщен событиями, и в эти события вовлечена и Linette, ставшая его радостью и утешением.

Начало года застаёт его в Чикаго.

7 января 1920 года. Чикаго.

«Сегодня и завтра опять дни ожидательные, медлительные и спокойные, если бы не мысли о маме. От Linette наконец письмо, простое и мягкое. Мне бы очень хотелось её увидеть, но надо не торопясь закончить дело с Чикагской оперой: это исходный пункт для всего двадцатого года».

Запись от 13-го февраля 1920 года это трогательное свидетельство дружеских чувств Прокофьева к оставшимся в России друзьям, в этом случае Мясковскому:

«Сегодня с большим трудом открыл у Ширмера 2-ю Сонату Мясковского, ту, которую я безуспешно добивался два года. Страшно был рад, будто встретил самого Мяскуничка. Я её непременно выучу и буду играть, здесь ли, в Лондоне.

Вернувшись домой, нашёл записку, что звонила Miss Adler. Стелла? Неужели вернулась? Стелла, молчавшая шесть месяцев, снова здесь и звонит мне. Впечатление было самое сложное. И мне было страшно, что она своим появлением разрушит мои столь милые отношения с Linette. Надо быть благоразумным, надо беречь Linette, а что такое Стелла и как она ко мне относится – всё же остаётся загадкой.»

Соната Мясковского оказалась чрезвычайно трудной, даже для Прокофьева. Он довольно мучительно учил её, она не запоминалась. Со Стеллой тоже не заладилось, хотя она и попросила Прокофьева заниматься с ней на фортепиано. Композитор попросил принести ему Баха и проводил Стеллу домой.

«Через час после этого я встретил Linette. Linette была так проста и влюблена, что вскоре тень Стеллы покинула нас, и вечер прошёл нежно и безмятежно.»

* * *

Между тем Европа манит Прокофьева всё сильнее. Рубинштейн рассказывает ему, что в Париже и Лондоне артистическая жизнь бьёт ключом, иные люди, иные взгляды.

Именно 1920 году будет суждено стать поворотным в принятии решения покинуть Америку и переехать во Францию.

Linette тоже собиралась ехать в Париж, чтобы продолжать учиться пению, но, может быть, ещё сильнее ей хотелось провести лето с Прокофьевым.

Появлялась и Стелла. Со стороны кажется (впрочем, кто знает...) что уроки по музыке у Прокофьева служили Стелле предлогом для того, чтобы не потерять его из виду. Он был достаточно наивен, чтобы полностью поверить, будто Стелла хочет срочно усовершенствовать свою фортепианную технику. На первом уроке, однако, обнаружилось, что задания она не приготовила, так как не купила ноты Баха. И даже такая небрежность нисколько не поколебала его доверия к чистоте намерений ученицы. Он нашёл, что её техника в беспорядочном состоянии, а потом читал ей первый акт «Огненного ангела», переводя его на английский. Прокофьев неуверенно пишет, что ей, кажется, понравилось либретто.

От этой встречи у него осталось неопределённое чувство.

Иногда, впрочем, кажется, что Прокофьев отлично понимает внутренние, пусть даже не осознанные импульсы Стеллы. 16 февраля он записывает в «Дневнике», что Стелла не сможет взять урок, она не приготовилась и уезжает на неделю с отцом играть в Филадельфии. Она опоздала на пять часов. «Рассмотрев мои рецензии, фотографии, оперы, распустила волосы и была очень мила. Я тоже мил, но сдержан».

Вскоре Стелла отказалась брать уроки, так как выяснилось, что дома у неё нет возможности заниматься.

Прокофьев честно и открыто описывает свои отношения со Стеллой, в то же время нисколько не забывая об искусстве: чувства чувствами, но он считает необходимым вникнуть в её театральные интересы. Талантлива ли она? Он встречается с сестрой Стеллы Бланш, которая всегда вызывала у него симпатию, и они вместе отправляются в набитый битком театр отца Стеллы – Адлера, пользовавшийся горячей любовью публики. Бланш была чрезвычайно внимательна к Прокофьеву и очень волновалась: какое впечатление произведёт на композитора спектакль и Стелла? Прокофьеву очень понравился отец, а «сама Стелла выглядит эффектно, но в своей игре она не всегда естественна». Бланш передала Прокофьеву приглашение пообедать после спектакля со всей семьёй, но он не мог даже пробить на спектакле до конца: «в половине шестого было назначено свидание с Linette. Опять страшное перемещение из одного мира в совсем другой и опять Линетт, ласковая, робкая, а потом пламенная».

Стремясь загладить обиду, нанесённую своим уходом с конца спектакля и отказом принять приглашение на семейный ужин, Прокофьев отправился к Стелле. Но хотя вся семья отсутствовала и Стелла очень мило выглядела, мысли Прокофьева витали далеко, он «сделался сух и скучен. Стелла пыталась быть любезной, но скоро израсходовала свой запас. Пробыв у неё час, я стал прощаться. Стелла удивилась и кажется обиделась».

Вообще вечер вышел до крайности глупым, и наши отношения попали в какую-то идиотскую колею. Идя домой, я ломал себе голову и не мог понять ни самого себя, ни куда всё это идёт»...

Прокофьева по-настоящему волновали затруднения, связанные с приездом мамы. Хотя всё обещало хороший исход, но беспокойство за маму не оставляло Прокофьева.

В Нью-Йорке счастливые Прокофьев и Лина заводят дружеские связи, Лина покрывает высший свет. Прокофьев констатирует это не без удовольствия. Сообщает, например, что совершенно влюбился в Лину скульптор Дерюжинский, занятый в то время «головой» Прокофьева.

Глеб Владимирович Дерюжинский³ был поглощён лепкой головы Прокофьева, в феврале – много упоминаний об этом: «Днём позировал Дерюжинскому, который лепит мою голову. Я удивился, как хорошо выходит» (23 февраля); «Позировал Дерюжинскому. Выходит превосходно и почти готово» (24 февраля); «Дерюжинский кончил мою голову и считает её самым своим удачным произведением за последнее время» (25 февраля).

Дерюжинский собрал гостей «на глиняную голову». Прокофьев отправляется к нему вместе с Linette, но прежде они с утра едут вместе на окраину Нью-Йорка, чтобы с оказией передать чек для мамы. Приходят обнадеживающие известия, мама уже в Константинополе. Огромная тяжесть сваливается с души.

Преданная Linette всегда рядом. Она разделяет все волнения Сергея, но в то же время она объята беспокойством: как поехать летом в Европу. Она боится трудностей, как она спра-

³ (1888–1975), русский скульптор, сделавший в Америке блестящую карьеру, создал в числе прочих скульптурные портреты Н. Рериха, С. Рахманинова, Рабиндраната Тагора, Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта. В России его причисляли к врагам, к белой эмиграции.

вится... 2-го марта Прокофьев приводит Линыны слова: «Я не знаю, что я буду делать, если останусь здесь одна».

Но пока столько всего интересного! Большой костюмированный бал у Больша, одного из известных балетных артистов дягилевской труппы.⁴

Через несколько дней после костюмированного бала вместе пошли на выступление балетной труппы «Ballet Intime», организованной Большом, в которой он был танцовщиком и балет-мейстером. На другой день концерт, а после концерта в студии у Дерюжинского, «который был мил и ухаживал за Linette». Дерюжинский, Больш, Рерих – друзья, живущие на взлёте русского искусства начала века.

Сергей и Лина неразлучны. Даже во время грандиозного бриджа у Либман, длившегося чуть ли не восемь часов подряд, к обеду появляются Linette и Дерюжинский, которого Прокофьев ввёл в этот дом, Рахманинов и Гофман и ещё, как говорит Прокофьев «куча всякого народу». Linette блистает красотой, счастье любви придаёт ей уверенность, робость исчезает, она украшение общества великих людей, создающих вокруг себя не сравнимую ни с чем творческую атмосферу.

А в день весеннего равноденствия 21 марта Сергей и Linette удирают прочь от Нью-Йоркских бензиновых паров, за город, где солнце, тепло, весенние запахи. Linette полностью разделяет страсть Прокофьева к природе, к долгим прогулкам, будь то лес, поля или берег моря, – с любопытством они пускаются осваивать новые места, наблюдают, как постепенно зима уступает весне, снег тает, «но трава ещё не зеленеет», замечает дотошный ко всем проявлениям жизни в природе Прокофьев.

11 апреля 1920 года.

«Тёплый, весенний день и мы с Linette отправились гулять за Hudson в New Jersey, прогуляв там пять часов. Linette сказала: „Милый, нынче праздник твой“⁵ – и подарила портсигар. Я ответил, что она украла из моей жизни тринадцать дней, так как я родился одиннадцатого апреля по старому стилю, и пока абсолютно не чувствую, что мне уже двадцать девять».

Через тринадцать дней тема дня рождения была продолжена у Либман, во время обеда с Дерюжинским, Linette и хозяйкой дома. Прокофьев объявил, что накануне ему исполнилось двадцать девять лет. Хозяйка поцеловала его, заставила и Линетт сделать это, а Прокофьев пришёл в отчаяние: «Ужас: тридцатый год!»

18 апреля 1920 года.

«Днём с Linette были за городом, где много солнца и уже совсем зелено, но удивительно – совсем нет цветов. Мы гуляли много и очень хорошо».

25 апреля 1920 года.

«Пользуясь воскресеньем, солнцем и весной, отправились с Linette за город. Linette выбрала место, называемое Orange и состоящее из трёх частей – East, West и North Oranges, т. е. три апельсина. Место оказалось очень милым и прогулка вышла удачной. Но удивительно – совсем не видно цветов. Только изредка мелькали деревья, сплошь засыпанные белыми цветами, как в Гонолулу.»

⁴ Выходец из Петербургского театрального училища, приехавший в США в 1916 году, Больш бурно работал во многих областях, участвовал в постановках в «Метрополитен» русских опер. Большой поклонник Прокофьева, всего его творчества. Ещё в октябре 1918 года он принял участие в чём-то вроде Нью-Йоркского дебюта Прокофьева в частном концерте, во время которого танцевал «Мимолётности».

⁵ строка из стихотворения Анны Ахматовой, на которое Прокофьев написал романс.

В записи от 16 апреля 1920 года Прокофьев пишет: «Linette никак не может решить, поедет ли она в Европу, и, конечно, бедная девочка в своём решении путается между целой бездной „да“ и „но“. Сегодня во время завтрака случилась даже мелкая размолвка на эту тему» (...)

Но всё идёт своим чередом, приближается приезд мамы, Чикагская Опера находится в окончательной стадии постановки оперы «Любовь к трём апельсинам», Linette на пути к решению приехать в Европу. Предстоит ещё много событий, которыми переполнена жизнь Прокофьева, потому что каждый день его жизни – событие (слава «Дневнику»!), но корабль идёт в нужном направлении.

* * *

В конце апреля Либман заказала Прокофьеву билет на небольшой пароход, идущий в Англию через Францию, и началась предотъездная суета. Никогда не откладывавший дел в долгий ящик, он сейчас же помчался в контору и получил билет. В шесть часов вечера прибежала Linette, которая никак не ожидала, что отъезд произойдёт так скоро. Прокофьев звал её в Европу и даже выдал авансом некоторую сумму денег на перевод «Трёх апельсинов» на английский язык для постановки в Ковент Гарден.

На пристани сундук был сдан для доставки прямо в Париж, пароход опаздывал с отплытием, и Прокофьев сошёл на берег, чтобы снова позвонить Linette, ещё раз простился с ней, она просила, чтобы он ей писал, он, чтобы она приезжала.

На этот раз он приехал в Париж с непривычной стороны, завершив тем самым путешествие вокруг света – Санкт-Петербург – Япония – Америка и теперь Париж с запада.

Его ожидала бурная музыкальная жизнь, произошла радостная встреча с Дягилевым, который при виде его закричал Мясину: «Серёжа Прокофьев приехал!» Дягилев изъявил полную готовность ставить балет Прокофьева, сказал, что декорации (и очень удачные) – уже сделаны Ларионовым. В мае же Ларионов показывал композитору декорации для «Шута». Прокофьев пишет, что декорации блестящи, художник проявил массу фантазии и изобретательности, и хочется, чтобы поскорее поставили «Шута».

* * *

На первом спектакле Русского балета в ложе Дягилева Прокофьев встретился со Стравинским и Mme Edwards. Стравинский заботился о нём, помогал достать рояль, но, главное, обещал поговорить с мадам Эдвардс относительно мамы.

Мадам Эдвардс – Мисия Серт, урождённая Мисия Годабска, символ и вдохновительница знаменитого «Revue blanche», в котором сотрудничали Дебюсси, Аполлинер, Пруст, Толстой, Чехов, Горький, Бакунин, Ибсен, Стриндберг, Киплинг, Уайльд, Малларме, вовлечённая с поры своего первого замужества в круг гениальных деятелей литературы и искусства, пианистка, ученица Форе, страстная поклонница Дягилева, принимавшая в нём самое деятельное участие, друг Пикассо и Стравинского. Мадам Эдвардс во втором браке с мультимиллионером, длившемся недолго, встретила, наконец, испанского каталонского художника Хосе Марию Серта, в котором с первого мгновения угадала свою настоящую единственную любовь, вспыхнула к нему страстью, и, потом покинутая им, не перестала его любить. Её писал Тулуз Лотрек, она была подругой Коко Шанель. Её имя обладало волшебной силой и открывало все двери, рафинированная, экстравагантная, с поразительной интуицией в открытии и поддержке молодых талантов, всемогущая повелительница в мире искусства, Мисия Серт ввела Прокофьева в свой дом с парадного входа, представила его в высшему свету Парижа.

Весь этот период жизни во Франции захватывает: Прокофьев оказывается в эпицентре музыкальной жизни Парижа, становится планетой среди других, самостоятельно вращающихся

планет, связанных и взаимным притяжением, и тяготением к другим небесным телам и отталкиванием от них. Прокофьев не забывает о Linette, думает, как будет хорошо, когда она придет. В кругу Дягилева, Стравинского, Хейфеца, Ларионова и Гончаровой, засыпающих его множеством идей о постановках балетов, у Мисии он встречает Равеля, Пикассо.хлопоты Мисии о визе для мамы приводят его к представителям русской знати, князю Львовскому, Вырубовой, он завтракает у *princesse de Polignac*, уже знавшей его музыку, горячей покровительницы современной музыки и молодых композиторов.

18 мая 1920 года.

«Был с визитом у Mme Edwards, которая подтвердила, что с удовольствием и быстро устроит маме визу (...) От Linette вчера второе письмо, одно нежнее другого, но ни слова о поездке в Европу. Я думаю, что пока она молчит, но недели через три-четыре соскучится и заговорит».

У Mme Edwards слово не расходилось с делом, и буквально на другой день виза для Марии Григорьевны уже отправилась в нужном направлении. Прокофьеву оставалось только поблагодарить её. После спектакля Стравинский повёз друга к принцессе Мюра, у которой был большой вечер в честь русского балета. У принцессы собрались Дягилев, Стравинский, Ларионов, великий князь Дмитрий Павлович, Пикассо, Кокто, много говорили, а потом, как шутит Прокофьев, «много шумели и прыгали».

Прокофьев ждёт Linette, и вот уже появляется надежда, что она скоро придет! Перед тем как отправиться в Лондон, он получает от неё письма, в которых Linette пишет, что очень хочет ехать, но не может достать билетов, – до августа всё распродано. Прокофьев страшно рассердился и, по обыкновению тотчас вникнув в суть, уже вечером из Лондона послал Linette телеграмму с объяснениями и указаниями, как достать билеты. Вскоре приходит письмо от Linette, она получила место на 10 июля, но возникает новое осложнение: Ольга Владиславовна не совсем здорова и ждёт обследования. Если выяснится, что у неё что-то серьёзное, Linette не сможет ехать. Если же всё окажется благополучно, то Linette считает возможным оставить мать месяца на три. (Официальным предлогом поездки в Европу всегда была необходимость продолжить обучение вокальному искусству в Европе). «Ужасно мне хочется, чтобы она приехала», – пишет Прокофьев в июньском Лондоне.

Здесь он много работал с Дягилевым над постановкой «Шута», тщательным образом проясняя все детали постановки, композицию и музыкальный язык балета. Получив серьёзные предложения участия в симфонических концертах на будущий сезон, практически договорившись о постановке оперы «Любовь к трём апельсинам» в Ковент Гарден, Прокофьев уехал из Лондона, так как пришла телеграмма от мамы, что она выехала из Константинополя в Марсель.

С мыслями о предстоящей встрече Прокофьев сел на переполненный пароход и проснулся в Гавре. Из Гавра в Париж, из Парижа в Марсель. Прокофьев узнал, что «Souriah» из Константинополя ожидается в десять часов и провёл оставшиеся часы, гуляя по Марселю. «День был дивный, солнечный, южный, и настроение у меня отличное, хотя проскальзывала тревога: в каком виде будет мама.»

Когда корабль пришёл, Прокофьев полтора часа ходил возле него и так и не встретил Марию Григорьевну. Но дальше всё пошло как в сказке: он услышал, как кто-то говорит, что должен проститься с госпожой Прокофьевой, этот кто-то оказался Шлёцером, племянником Скрябина, они увидели Прокофьева, потащили его за собой, и Прокофьев, наконец, увидел Марию Григорьевну: она оказалась не в первом классе, как он ожидал, а в матросской каюте. «Когда я вошёл в каюту на восемнадцать человек, она смотрела в другую сторону и меня не видела, так что я не знал, совсем ли она слепа или видит ещё немного. Она заго-

рела как пергамент, надела синие очки и очень похудела. Однако встреча была бодрая и почти деловая, очень радостная. (...) Под руку с мамой мы спустились с парохода и поехали в гостиницу». Мама привезла важнейшие для Прокофьева ноты, записи, куски дневника, партитуры, рассказы. Весь день до отъезда в Париж мать и сын провели в нескончаемых разговорах, они не виделись два года! На другой день вечером они приехали в Париж и остановились в Hotel Quai Voltaire, на берегу Сены.

А наутро Сергей узнал, что приехала Linette! Он побежал к ней в отель, который оказался совершенно рядом, – её не было дома. Она вернулась через два часа и тут же потащила Прокофьева в другой отель, тоже поблизости, куда она, как выяснилось, уже перебралась, однако подниматься к себе в номер с Прокофьевым не захотела, сказав, что это неудобно, и они отправились гулять по Парижу. Их отношения и история были настолько тесно связаны с Нью-Йорком, что в Париже всё им казалось странным. «Linette была немного нервная, но такая же очень милая, как всегда», – пишет Прокофьев в «Дневнике». Вечером отправились на прогулку в Булонский лес.

Так получилось, что за считанные дни приехала мама, приехала Линетт, договорились с Дягилевым.

Воодушевлённый этими счастливыми событиями, Прокофьев начал со свойственной ему энергией искать дачу, он писал письма, ездил по пригородам Парижа и в конце концов нашёл чудесный дом на берегу Сены, в часе езды от Парижа. Этим удачи не ограничились. После переезда на дачу в Мант через четыре дня, в начале июня 1920 года, Прокофьеву посчастливилось найти замечательную (недорогую! по сравнению с Америкой) кухарку, а также хорошего профессора по пению для Линетт, которая с увлечением приступила к урокам.

Маме он решил представить Linette как американку, будущего переводчика своей оперы для Ковент Гарден, и знакомство их прошло как нельзя лучше. Маме очень понравилась Linette, а кухня, захавшая в гости в Мант, нашла её замечательно хорошенькой. Гончарова и Ларионов тоже сразу с ней подружились.

Рассматривая теперь старинные фотографии Лины Ивановны, оживляя их в воображении, сопоставляя с той, которую я знала в двух её обликах – довоенном и послелагерном, и третьем – мистика! – из моего недавнего сна (она приснилась мне в трукаре цвета бордо, весёлая и очень ласковая), я вдруг подумала, что она могла бы быть идеальным воплощением самой красивой актрисы немого кино. Ведь они всегда были или должны были быть безупречными красавицами (но чаще всего находилась в их облике какая-нибудь «подгулявшая» деталь) – в немыслимой шлемообразной шляпке, воздушном маленьком платье стилия ретро и на высоченных каблуках (это-то как в жизни!), оживлённая, пикантная, артистичная, иногда томная, – впрочем, и в испанском наряде она была неправдоподобно хороша.

Linette, однако, проявила благоразумие и отказалась сразу переезжать в Мант, чтобы не испугать маму. Она многое знала о ней от Сергея: ко всем перипетиям на пути к встрече Прокофьева с Марией Григорьевной Лина с самого начала проявляла живой интерес. В своих воспоминаниях Лина с сочувствием описывает все типичные для уезжавших русских злоключения Марии Григорьевны, её пребывание среди беженцев, состарившие её и изменившие молодую наружность. Ей было уже шестьдесят. В молодости, – говорит она, – мама Сергея была вполне хороша собой, но выпавшие на её долю тревожения не могли не сказаться на её здоровье и облике. Её зрение находилось в самом плачевном состоянии. «К счастью, Сергею удалось привезти её в Париж, где я занималась пением», – заключает Лина.

Прокофьев очень сердился на Linette за то, что в первое время она приезжала только на субботу и воскресенье. В ожидании Линетт он работает, совершает ежедневные долгие прогулки, восхищаясь живописностью французского пейзажа, в который он влюбился в тот момент, когда впервые оказался во Франции. Он совершенствует свою игру на рояле и не скрывает, что делает это под впечатлением игры Рахманинова. В конце июня Прокофьев познако-

мился с русскими писателями, Алексеем Толстым, Куприным, Буниным. Он играл им свои сочинения, приводя всех в восторг.

Дом, снятый Прокофьевым, был трёхэтажным, на первом этаже – гостиная и столовая, на втором жила мама, а на третьем был огромный кабинет Прокофьева и маленькая комната для гостей, в которой поселилась Linette. Умная Мария Григорьевна, как пишет Прокофьев, «глазом не моргнула, очевидно, решив не вмешиваться в мои дела, – и нам с Linette очень хорошо наверху. Я жду с нетерпением, когда она, наконец, переедет в Mantes».

31 июля 1920 года.

(...) «Очень приятное событие – это Linette, которая сегодня в шесть часов водворяется на дачу. Я страшно доволен этим».

Отношения мамы с молодой женщиной налаживались самым лучшим образом, и Мария Григорьевна даже стала брать у неё уроки английского языка.

Август 1920 года.

«Август протёк в Манте хорошо и спокойно. Linette окончательно поселилась на даче, лишь три раза в неделю выезжает в Париж на уроки пения. Отношения наши самые нежные, и если иногда мы чуть-чуть вздорили, то мало, и сейчас же мирились. Иногда она как будто немного тосковала, но мало. Я работал над балетом, написав за этот месяц восемьдесят семь страниц, а также сочинив второй и третий антракты. Программа тоже – на два recital'я стояла на ногах. Роялем я занимался только вечером, час или два.»

По возвращении в Париж в октябре 1920 года Марии Григорьевне сделали операцию на глазах, чтобы предотвратить полную потерю зрения.

Прокофьев и Linette поселились в уже знакомом отеле на Набережной Вольтера, заняв там комнаты на разных этажах, – щепетильную особу едва удалось уговорить жить в одном отеле.

Начались уроки пения с Фелией Литвин, в своё время успешно занимавшейся с Ниной Кошиц. Литвин рахвалила голос Линетт, сказала, что сделает из него «*petit bijou*», и Линетт расцвела.

Сохранились короткие отрывки из письма Лины Прокофьеву об уроках пения у Фелии Васильевны Литвин от 14 декабря 1920 года:

«Уроки у Литвин – довольно много. Теперь две репетиции в день. Она советует беречь голос и петь только, когда у меня отдельные куплеты, а в хоре как можно больше молчать. В смысле сцены и игры находит, что вреда мне не принесёт, наоборот...»

Вскоре Прокофьев отправляется в Чикаго улаживать дела с постановкой оперы. Поездом в Гавр, потом пароходом в Нью-Йорк. На пароходе сразу украли один из двух его чемоданов, где помимо смокинга, костюма и прочей одежды находились рисунки Ларионова, несколько портретов Прокофьева, рисунок по поводу воображаемого исполнения «Шута»: Прокофьев, Дягилев, Стравинский, Гончарова, Мясин и Linette, а также карандашный набросок головы Прокофьева, сделанный Гончаровой. Мария Григорьевна была недовольна шаржевым характером рисунков. Попытки найти чемодан успехом не увенчались.

Глава вторая

Воспоминания о детстве и юности Лины Кодина

Впервые встретившись с Линой Кодина на концерте Прокофьева в конце 1918 года в Карнеги-Холл, мы провели с ней два года и прежде чем перейти к дальнейшим событиям её жизни, заглянем в её начало.

Святослав Прокофьев записал сведения о родителях Лины Ивановны с её слов в 1988 году, за два месяца до смерти матери в Боннской больнице. Этот рассказ публиковался и был повторен с некоторыми подробностями в беседе со мной.

11 июня 2006 года в Париже Святослав Прокофьев рассказывал мне, что маму оскорбило то, что было напечатано и подано как её воспоминания. Она до конца жизни хотела написать в противовес им новые, настоящие. Она даже начала работать над ними, завела картотеку, записывала, что вспомнится, мысли, события.

– Как они были составлены, – по темам?

– Да нет, в элементарном хронологическом порядке, но дальше она никак не могла работать: картотека есть, кассеты есть, а для того, чтобы из этого что-то сделать, настоящей трудоспособности уже не хватало. Ей очень хотелось, конечно, чтобы наконец-то стало известно, как всё было на самом деле. Она в России уже занялась этим, завела массу книжечек, тетрадок, блокнотов.

Ею владела генеральная идея написать ответ на ерунду, которая была опубликована. Она была очень расстроена, ведь половину оттуда выкинули. Крупный партийный чиновник от музыки сказал, что это «как воспоминания светской дамы». Всё личное было убрано. Если бы не такая их жизнь, что одно только перечисление событий уже очень интересно, то вообще не нашли бы что печатать.

– Какая печаль, что Сергей Сергеевич перестал вести дневник, – я отвлекаюсь на минуту от темы разговора.

– Ну и правильно сделал. Он возвратился с настолько открытым сердцем, что трудно даже вообразить, каково ему пришлось, когда он увидел, что жизнь оказалась совершенно другой.

– Всё-таки, почему Лина Ивановна его поддержала?

– От чрезмерной любви. Она чувствовала, что ему очень хотелось в Россию, и пошла на это ради него.

Кроме последовательного рассказа Святослава Сергеевича, существуют расшифрованные и переведённые автором с английского языка плёнки бесед с Линой Ивановной, касающиеся ВСЕХ периодов её жизни, они отрывочны, это **разговор**, иногда прерываемый спорами, это фрагменты. Но все слова принадлежат ей, живой, с её характером, острословием, прямоотой, даже раздражительностью. Они очень дороги нам. Потому пусть не удивится читатель некоторой разноголосице в изложении: это не было **написано**, это было **сказано**. Журналистам нелегко приходилось в работе с Линой Ивановной. Ей было уже много лет, порой изменяла память. Но я думаю, что трудности лежали не столько в её нелогичности или провалах в памяти, сколько в неумении выслушивать непредубеждённо, не перебивая, «не ведя за собой», не находясь во власти предвзятой идеи: вот женщина – кладёшь высших культурных достижений двадцатого века. Надо было бы молча слушать и мотать на ус. Лина Ивановна говорит о том, что помнит, хочет, считает нужным, и хотя её воспоминания не обогатят нас хронологическими открытиями, но, как и всё, что делала Лина Ивановна, они наполнены жизнью.

Сергей Святославович Прокофьев передал из семейного архива документ, написанный на испанском языке Линой Прокофьевой:

Lina Prokofieff

Naci en Madrid el 21 de Octubre 1897, calle Dona Barbara Braganza numero cuatro.

El nacimiento fue regisytado el mismo dia por mi padre Don Juan Codina y Llubera natural de Barcelona, y tres testigos.

El numero de este documento es 630, 766, 439 46.

Mi padre Don Juan Codina y Llubera, como su madre Dona Isabela Llubera y Codina, los dos espanoles, nacidos en Barcelona.

El ultimo pasaporte espanol que yo tenia me dieron en Milano, Italia, el 18 de Marzo 1923. En esta ciudad yo estudiava el canto.

El 29 de Setiembre 1923, en Ettal, Alemania Federal, me case con el compositor ruso Sergei Prokofieff.

(...)

Лина Прокофьева

Я родилась в Мадриде 21 октября 1897 года, улица Дона Барбара Браганса, номер четыре.

Рождение было зарегистрировано в тот же день моим отцом Доном Хуаном Кодина и Любера родом из Барселоны, в присутствии трёх свидетелей. Номер документа 630 766 43946.

Мой отец Дон Хуан Кодина и Любера, как и его мать Дона Изабелла Любера и Кодина, оба испанцы, родились в Барселоне.

Последний испанский паспорт, который у меня был, мне выдали в Милане, в Италии, 18 марта 1923 года. В этом городе я изучала пение.

29 сентября 1923 я вышла замуж за русского композитора Сергея Прокофьева, в Эттале, в Германии...⁶.

По рассказу Святослава Сергеевича отец Лины Ивановны Прокофьевой – Хуан Кодина, чистокровный испанец (каталонец), родился в Барселоне 8 октября 1866 года. Сын был наречён Хуаном в честь своего отца. Как артистический псевдоним Лина Кодина взяла девичью фамилию бабушки Любера.

Отец Лины Ивановны учился пению в Италии, в Милане, где познакомился со своей будущей женой Ольгой Владиславовной Немысской, приехавшей из России и тоже учившейся пению. Их встреча произошла в школе при оперном театре Ла Скала.

Лина рассказывает:

«Мой отец был испанцем, а точнее сказать, каталонцем. Когда я была в Барселоне, родители бесконечно пререкались по этому поводу. Папа родился в Барселоне, поэтому можно сказать, что он был испанец – каталонец, и ещё какой каталонец! В большинстве случаев он говорил со мной по-каталонски, и это злило мою маму. „Почему ты не говоришь с ней по-испански? Ей никогда не понадобится твой диалект“ – говорила мама, – что в свою очередь вызывало ярость отца: „Каталонский язык – не диалект, это язык. У нас есть своя литература, и раньше мы были огромной империей“. И исторически так оно и было, это ведь всем известно? Каталуния включала большую порцию Испании, Лангдок и часть Прованса – это было мощное королевство.

⁶ здесь и далее переводы с испанского, английского, немецкого языков принадлежат автору.

В папином роду было множество разных моряков, от матросов до капитанов, они все были связаны с морем. Именно в этом корни отцовской семьи.

Это было огромное семейство, а в те времена процветать в таком количестве было трудно, – или на краю нищеты, или если вам принадлежит собственный замок. Я ещё не родилась тогда и никогда не видела семью моего отца, так что это только отрывочные сведения со слов моей мамы. Она говорила так: „О, я их видела однажды, и так как я не была католичкой, они стали называть меня ‘еретичкой’, и поэтому я больше к ним не вернулась, я их никогда с тех пор не видела“.

В семье было шестеро сыновей, но родители мечтали о девочке, и их мечта сбылась, – родилась моя тётя Изабелла. Наверное, она видела меня, когда я родилась в Испании, но мы уехали оттуда, и я побывала там снова совсем недавно. Я не знаю точно, в какие страны отправились родители, оставив Испанию. У мамы были друзья в России, в Санкт-Петербурге и в Москве. Они навещали их. Я была тогда крошкой.

В Испании я бывала очень редко. Каждый раз, когда я собираюсь ехать туда с Сергеем, что-то мешало мне. В последний раз я ждала второго сына.

Может быть, мой отец был единственным человеком во всей семье с артистической профессией.

Папа стал музыкантом, хотя начинал как бизнесмен. Но он не смог стать бизнесменом, потому что для этого был чересчур артистом. Я знала его как артиста.

Он не только пел, но и сочинял лирические песни с национальным колоритом. В детстве у него был исключительный голос, высокое сопрано. В Барселонском Соборе он солировал в церковном хоре, и люди приезжали издалека, чтобы послушать его соло. Он также умел играть, как это обычно бывает у музыкантов, но пианистом не стал.

В ранней юности папа отправился в Италию учиться пению, потому что в те времена Италия была единственным местом для этого. Именно там он и встретил маму.

По происхождению мама была наполовину француженкой (со стороны матери), наполовину полькой. Мамина мама, урождённая Верле, происходит из Дубс (Doubs), в Эльзасе, и поэтому, не знаю точно откуда, но во мне есть капля немецкой крови. Мой дедушка был поляк знатного старинного рода, исторически известного. Мама родилась в России. В свою очередь, решительно воспротивившись воле бабушки она тоже поехала учиться в Италию, потому что обладала исключительно красивым голосом. Мама училась в Италии у знаменитого Ронкони».

По рассказу Святослава родители Лины несколько раз побывали в России, так как в России жили родители Ольги Владиславовны Немысской – Лилиной мамы, в дальнейшем ставшей членом семьи Прокофьевых, любящей бабушкой «Мэмэ». В первый приезд Лине был один год.

Отец Лины, Хуан Кодина, пользовался в России успехом и выступал в концертах. Газетные рецензенты даже называли его «выдающимся испанским тенором». Лина рассказывала, что у него был не такой уж сильный голос, но красивого тембра. Выходам на сцену мешал страх перед публикой, который каждый раз приходилось преодолевать.

Сохранилась старая пластинка с записью двух испанских народных песен, которые он пел, аккомпанируя себе на гитаре.

Я была взволнована, когда Святослав Сергеевич дал мне плёнку с записями Хуана Кодины. Я думала о том, насколько изменились времена, – теперь такое пение можно услышать только на пластинках начала двадцатого века, – «старинное», характерное именно для очень популярного в ту пору понятия «тенор», музыкальное, очень «вокальное». Время на секунду остановилось для меня. Было удивительно, что этот тенор был отцом Лины Прокофьевой.

Хуан Кодина носил пышные чёрные усы, и в России его ласково называли Иваном Ивановичем. На первых порах отец Ольги Владиславовны не очень хорошо принял зятя и даже сказал, что лучше выйти замуж за швейцара, чем за певца.

Отец Ольги Владиславовны – Владислав Адальбертович Немыцкий – польско-литовского происхождения, родился в Вильно, получил юридическое образование, имел чин статского советника и служил в железнодорожном управлении – в конце XIX века в Воронеже, а в начале XX века в Одессе, где он умер в 1905 году вскоре после смерти своей жены, скончавшейся в возрасте 47 лет от рака. Лина Ивановна помнит пространные некрологи с перечислением заслуг В. А. Немыцкого, опубликованные в одесских газетах, а также торжественные похороны.

О дедушке Лина рассказывает:

«Они вели своё происхождение от польских королей, а те – от литовской Королевы. В сундуке, который я видела в Кракове, лежат документы моего дедушки, удостоверяющие, что это именно так. Поэтому я так боролась за эти сундуки. В Краковской библиотеке я выяснила, что семья принадлежала к знатному старинному роду, но в ней постоянно шли распри, потому что один из дедушек отличался большим свободомыслием, он дал вольную своим крепостным. Остальные члены семьи не могли этого перенести, они поссорились и разделились.

Когда мой дедушка поступил в Санкт-Петербургский университет – в то время Польша уже была частью России – он всегда принимал участие в вольнолюбивых дебатах.

В университете он изучал право, стал судьёй и дослужился до действительного статского советника, кажется, это так называется. Уйдя в отставку, он поселился в Одессе, потому что там был хороший климат. Когда он умер, один из его учеников написал замечательный некролог.

Дедушка был известен своей справедливостью и пользовался всеобщим уважением именно за полную беспристрастность. Он отличался к тому же большой строгостью, но меня обожал, и я могла делать всё, что мне заблагорассудится. Все говорили тогда, что я была очень одарённой и грациозной и должна стать балериной, но, конечно, в те времена в хорошей семье и помышлять нельзя было о том, чтобы отдать девочку в балетную школу.

Моя бабушка была блестящим филологом, литературоведом, она прекрасно писала. Как-то она поехала с друзьями в Россию. Там она встретила дедушку, и вспыхнула любовь с первого взгляда. Мой дедушка был очень красивым, высоким, какие-то его черты сохранились в моём младшем сыне».

* * *

Из рассказа Святослава:

«После смерти Владислава Немысского молодые Кодина решили уехать в Америку, где в Нью-Йоркском университете преподавал французский и английский языки брат бабушки Лины Ивановны Каролины Немысской. Он именовался по-американски Charles Wherley (искажённое Verle). Помимо основной работы он много времени уделял развитию „международного языка будущего“ – эсперанто, одним из видных приверженцев которого считался. Несмотря на обещания, дядя мало помог, и средством существования родителей Лины Ивановны стала концертная деятельность, гастроли по Америке, Кубе.

Кажется, с того времени, когда родилась мама, дедушка Хуан пел один. Семья осела в Америке на какое-то время после смерти Немысского в 1905 году, а во Францию они попали позже, в двадцатые годы. Видимо, они переехали туда потому, что мои родители с осени 1923 года стали жить в Париже. Во всяком случае, с самых ранних лет я помню бабушку и дедушку жившими во Франции.

Когда родители отправлялись а гастроли, они отдавали нас с братом на лето бабушке, – папа и мы называли её Мэмэ – которая жила на юге, в маленькой деревушке, Le Cannet.

Дедушка умер, наверное, в 1934–1935 году, бабушка после его смерти переехала в Париж. Жила она более чем скромно. Особенно после переезда нашей семьи в СССР в 1936 году. Кто-то из маминих знакомых посетил её после войны и прислал нам фотографию, которая позволяла судить о том, как ей, вероятно, было трудно».

Лина вспоминает:

«Я очень мало что помню о том времени, когда бывала в России ребёнком. Один раз, когда мне было пять лет, а другой – семь. Меня взяли в магазин покупать пальто. Это было на третьем этаже московского магазина, с которым я снова познакомилась десятилетиями спустя. Мне выбрали пальтишко с пуговицами, на которых были изображены листья и сказали: „Мы получили его из Парижа“. Одну из этих пуговиц я хранила чуть ли не всю жизнь. К пальтишку купили бархатный берет, который очень мне шёл.

Летом дедушка и бабушка жили в суровых горах Кавказа. Дома были примитивного строения и располагались вблизи горных потоков, так как искусственного водоснабжения не было. Ночью я страшно испугалась, услышав вой шакалов, которых отгоняли лаем волкодавы, сторожившие наш дом. Это были свирепые собаки, и в дальнейшем я навидалась их в лагерях.

Там жил пчеловод, и его пчёлы производили самый потрясающий мёд который я пробовала в жизни (обожаю мёд и по сей день). Этот пчеловод учил меня надевать защитную маску, посвятил меня во все особенности жизни пчёл, и я до сих пор помню его рассказы, хотя в ту пору мне было шесть или семь лет. Ещё там жили гуси, много гусей, я трясла перед ними свою игрушечную лопатку и с удовольствием их дразнила. Я передразнивала и их гоготанье. Однажды кто-то закричал, чтобы я поскорее убиралась подобра-поздорову,

потому что гуси разозлились и собирались напасть на меня. Я побежала к калитке, и кто-то вовремя подхватил меня и оттащил вглубь двора.

Остальную часть года бабушка и дедушка жили в Одессе. Однажды я разбила яйцо и никак не могла понять, почему этот проступок вызвал столь суровый гнев. „Ты думаешь, что можешь возместить его?“ – спросил дедушка. „Конечно, – ответила я, – завтра пойду на базар с Матрёной, и татары дадут мне яйцо“. На следующий день я отправилась на рынок и отважно попросила продавца дать мне одно яйцо. Он протянул мне его и попросил одну или две копейки. У меня не было денег. „Барышня, – сказал продавец, как же я могу дать вам яйцо, если у вас нет денег? Пожалуйста, верните мне яйцо обратно“. Вернувшись домой, я чувствовала себя совершенно уничтоженной.

– Где яйцо? – спросил дедушка.

– Но я ведь не знала, что мне нужны копейки, – ответила я.

Так я получила небольшой урок. Дедушка обожал одновременно поддразнивать и учить меня уму-разуму. Я была у него единственной и горячо любимой внучкой.

У него была длинная седая борода (он был старомоден) а ля Римский-Корсаков, и я часто сидела у него на коленях и вплетала в неё ленточку. Мама приходила в ужас, но он разрешал мне делать всё на свете. „Дедушка, что мне станцевать для тебя, маленький танец или большой танец?“ „О пожалуйста, маленький танец, потому что и он никогда не кончается. А уж большой вообще неизвестно когда кончится“. Я пела, танцевала, декламировала и показывала всё, что приходило мне в голову – всегда устраивала театр, постоянно играла в театр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.